

Научная статья

УДК 348(470)«17»

doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-231-237

Коты на государственной службе в России XVIII века

Ирина Михайловна Чирскова

Старший преподаватель кафедры теории и истории культуры ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». 125047, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6
im-chir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5810-8450>

Аннотация. В русской традиции кошки всегда были любимы, символизировали благополучие и достаток. Они могли заходить в храмы, охраняли съестные припасы монастырей и приходов. Кот-мышелов ценился высоко.

XVIII век занимает особое место в истории государственной службы кошек в России. Именно тогда она была законодательно оформлена, что было и констатацией успешной «работы» котов в предшествующий период. Ключевое место в регламентации кошачьей «службы» принадлежит правлению Елизаветы Петровны, когда появилась серия указов о порядке набора, организации службы, вознаграждении усатых тружеников и специальном жилище для них при дворе. Проблема борьбы с грызунами в России была актуальна в течение всего XVIII века, как, впрочем, и в последующее время. Поскольку на службу определялись только «кладеные» коты, а набеги мышей и крыс следовали с досадной регулярностью, наборы на государственную службу проходили довольно часто. XVIII век стал и временем, когда образ кота, свободолюбивого и хитроумного существа, прочно вошел в русскую культуру и даже удостоился внимания зарождавшейся цензуры. К «должностным» обязанностям кошачьей службы добавилось украшение повседневной жизни, в том числе и придворного быта. Сам же кот стал любимцем человека на долгие годы. И в современном обществе кот остается помощником человека. Ему относительно редко приходится заниматься охотой, но само присутствие мохнатых «сотрудников» заставляет грызунов обходить стороной их «рабочие» места.

Ключевые слова: государственная служба, «кладеные» коты, регламентация, обязанности, вознаграждение, кот в русской культуре

Для цитирования: Чирскова И. М. Коты на государственной службе в России XVIII века // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 231-237. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-231-237>

Original article

Cats' state service in the 18th century Russia

Irina M. Chirkova

Senior lecturer, department of theory and history of culture, Russian state university for the humanities. 125047, GSP-3, Moscow, Miusskaya sq. 6
im-chir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5810-8450>

Abstract. In the Russian tradition, cats have always been loved, symbolizing well-being and prosperity. They could enter churches, guarded food supplies in monasteries and parishes. Cats that could catch mice were highly valued.

The 18th century holds a special place in the history of the cat's state service in Russia. It was then that the service became legal, which was also a recognition of the cat's successful «work» in the earlier years. The key place in the regulation of cat «service» belongs to the reign of Elizaveta Petrovna, when a series of decrees was issued on the order of recruitment, organization of service, rewarding and special housing for the cats at court. The problem of rodent control in Russia was acute throughout the XVIII century, as, indeed, in later years. Since only castrated cats were assigned to the service, and the raids of mice and rats followed with unfortunate regularity, recruiting for state service took place quite often. The 18th century was also the time when the image of a cat - a freedom-loving and cunning creature - firmly entered Russian culture and was even noticed by the nascent censorship. Apart from the «official» duties cats' service now included making everyday life of the court beautiful. The cat itself became the favorite of people for many years. And in today's society, the cat still helps people. It has to hunt rather rarely, but the very presence of furry «employees» makes rodents avoid their «work» places.

Key words: state service, cats, regulation, duties, reward, cat in Russian culture

For citation: Chirskova I. M. Cats' state service in the 18th century Russia. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2021;(4):231-237. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-231-237>

Введение

Кошачья служба человеку началась еще в древности, о чем свидетельствует присутствие кошки в свите языческого бога Велеса. Она упоминается как хранительница очага и проводник в потусторонний мир.

В отличие от католической церкви, считавшей кошек адскими животными и спутниками ведьм, в православной традиции кошки были любимы. Как охранники съестных припасов в монастырях и приходах они, в отличие от собак, могли заходить в храмы, для чего существовали специально устроенные «входы». Изначально кошки на Руси были животными экзотическими и обитали, как правило, лишь в богатых домах. Профессионалы ценились высоко, и в патриархальной Москве кошка символизировала благополучие и достаток. Иногда кошками награждали, кража – каралась значительным штрафом, а за убийство – виновник, помимо штрафа, обязывался передать владельцу другое животное.

В этом контексте прозвище «кошка» имело позитивную коннотацию. Род Романовых в летописях иногда называли «кошкиным» в честь боярина Федора Андреевича Кошки, «собинного» друга князя Дмитрия Ивановича (Донского). От его внука Захария Ивановича берет начало род Захарьиных-Юрьевых. Из этого рода была взята первая, любимая, жена Ивана IV – Анастасия Захарына, дочь Романова. Ее старший брат, Никита Романович, стал основателем династии Романовых.

Имеются свидетельства, не вполне подтвержденные документально, что при дворе первых Романовых проживали и коты, которые, несомненно, уже тогда начали свою государственную службу. Европейскую известность получил кот царя Алексея Михайловича. Есть предположение, что голландский художник Фредерик де Мушерон написал портрет царского любимца для книги Августина Мейерберга «Путешествие в Московию». Однако в издание изображение не вошло. Рисунки к этой книге выполнили И. Р. Шторн (или Сторн) [Johann Rudolph Storn (Storno)] и И. Пюман [Johann Pümann], которые входили в свиту Мейерберга во время его русского путешествия [Альбом Мейерберга, 1903]. Сомнение вызывает и тот факт, что Ф. де Мушерон, художник-пейзажист, вдруг решил обра-

титься к кошачьему портрету. На карте передвижения Фредерика де Мушерона, составленной голландскими историками искусства, отсутствует указание на пребывание его в Московии (см. сайт Нидерландского института истории искусства: RKD Netherlands institute for art history). Тем не менее, встречаются упоминания о наличии в Эрмитаже подлинного рисунка Мушерона. Одно из празднований дня эрмитажного кота (24 мая 2014 г.) сопровождалось демонстрацией в фойе Эрмитажного театра «Подлинного портрета кота великого князя Московии» 1661 г. В аннотации же выставки значилось: «гравюра второй половины XIX в., выполненная с оригинала Ф. де Мушерона» [Отчет Государственного Эрмитажа, 2015, с. 68]. Портрет царского кота искусствоведы считают самым ранним художественным образом домашнего животного на территории России, причем высказываются даже предположения, что под видом кота европейский мастер написал самого Алексея Михайловича.

Гравюры с изображением кота неоднократно упоминались в разном контексте в каталогах и исследованиях, как зарубежных, так и отечественных специалистов XIX в. Три – включены в каталог произведений Вацлава Холлара, составленный немецким историком искусства Густавом Фридрихом Партаем (номера: 2108, 2109, 2110) [Parthey, 1853]. Две из них отнесены к 1646 г., а гравюра под номером 2110 – к 1661 г. Разнятся размеры листов гравюр, а также надписи, их сопровождающие. На двух гравюрах № 2108, 2109 указано имя автора: «WHollarfecit. 1646». Гравюра № 2109 имеет две надписи на чешском и немецком языках: «Dobrá kočka která nemlsá», «Dass ist eine gute Katze, die nicht nascht» («Та кошка хороша, которая еду не ворует»). И только на гравюре 1661 г. обозначено: «Le Vray Portrait du chat du grand-duc de Moscouie» («Подлинный портрет кота великого князя Московии»). Однако именно на этом изображении отсутствует имя Вацлава Холлара [Parthey, 1853, p. 453].

Д. А. Ровинский признавал ценность и редкость гравюры, писал о наличии трех, известных ему, экземпляров, хранившихся в Дрезденской галерее, Петербургской Публичной библиотеке и его собственном собрании.

В исследовании И. М. Снегирева приведена версия Г. Чижова, что на дрезденском экземпля-

реизображен кот Ивана IV. Сам Снегирев с этой версией был не согласен и относил гравюру ко времени правления Алексея Михайловича, а ее персонажа называл «любимым котом» царя. Он же высказал гипотезу, что гравюра, созданная В. Холларом, легла в основу лубка «Погребение кота мышами», представлявшую, по его мнению, сатиру на Алексея Михайловича [Ровинский, 1884, с. 3; Ровинский, 1881, стб. 256–258; Снегирёв, 1861, с. 130].

Английский искусствовед Ричард Пеннингтон считал, что на гравюрах из каталога Г. Ф. Партая (№№ 2108 и 2109) изображен один и тот же кот [Pennington, 2002, p. 329]. Исследователи интересовали только два изображения, на которых было обозначено имя автора – Холлара. Гравюру же с указанием на принадлежность кота московскому князю Пеннингтон не рассматривал. Однако нельзя не отметить, что все три изображения кота, особенно 2109 и 2110, очень похожи, и напрашивается предположение, что и более поздняя гравюра (2110) была сделана под влиянием двух предыдущих кошачьих портретов. Не случайно для иллюстрации текстов, связанных с историей кошек, в том числе, упоминающих любимца Алексея Михайловича, используются и изображения, где отсутствует прямое указание на принадлежность кота московскому князю.

Основная часть

«Служебные обязанности» котов были сформулированы в государственных документах Петра I. В литературе и на фелинологических сайтах, как правило, сообщаются две версии появления кота при дворе. По одной – царь собственноручно привез из Европы, по другой – взял из дома голландского купца в Вологде большого пушистого кота, который поселился в покоях государя. Существует предание, что звали этого царского любимца Василием. Ни одна из версий документально не подтверждена. Упоминание кота есть лишь в анекдоте о шуте Балакиреве.

Достоверно известно, что именно при Петре появился указ о кошачьей «службе», предписывавший «иметь при амбарах котов, для охраны таковых и мышей и крыс устрешения». Рацион «служилых» не оговаривался, питались они, скорее всего, по преимуществу плодами собственной охоты. Есть предположение, что подкармливали тех, кто охранял царские покои или состоятельные дома. Так, например, В. Наумов говорит, что «они жили в подвалах и на чердаках на самообеспечении и лишь по вечерам получали в

качестве поощрения миску молока или подкормку из птичьего мяса» [Наумов, 2010, с. 418].

В XVII–XVIII вв. большое распространение в русской культуре получили лубочные картинки с надписями, одним из излюбленных персонажей которых были кошки. Именно на них были сатирические изображения царя в образе кота с текстами, намекавшими на мероприятия Петра I. Среди прочего и этот факт стал поводом к появлению указа, вводившего цензуру на продажу «листов разных изображений» и пр.

Документ «под страхом жестокого ответа и беспощадного штрафования» потребовал конфисковать собрать в Приказ церковных дел «самовольно писанныя» изображения, напечатанные людьми, «своевольно дерзающими без свидетельства и позволения». Виновников, продававших изображения и другую печатную продукцию, обязали допросить, «кем сочинены и писаны и печатаны» с «довольным всех обстоятельств показанием», чтобы впредь они «в такие непозволительных их действия самовольством весьма не вступали» (см. указ «О непродаже листов разных изображений, служебников и канонов, изданных без дозволения Синода, и об отбирании оных в Церковный приказ» [ПСЗ I. Т. 6. № 3765 от 20 марта 1721 г.]).

Одна из самых известных и широко распространенных в России лубочных картинок посвящена сюжету о погребении кота мышами. Исследователи еще с начала XIX в. пытались установить «родословие» изображенного на ней кота. Его связывали с лютеранской традицией и чешскими картинками XVI в., изображениями котов в индийской и египетской культуре, печатными «кошачьими» сюжетами, хранившимися в Лондонском и Берлинском музеях, а также Парижской библиотеке [Макаров, 1821, с. 53–54; Снегирёв, 1861 и др.].

Д. А. Ровинский пришел к выводу, что, несмотря на наличие котов и мышей, лубок о похоронах кота – чисто русское произведение. Оно, по его мнению, изображает похороны Петра I в образе кота. Сопроводительные надписи и фигуры персонажей перечисляют и пародируют мероприятия петровского царствования, акцентируя отрицательные стороны государственной «службы» кота (царя). Авторство приписывалось раскольникам. «Кот казанский, ум астраханский, разум сибирский, а ус-с-уса-стерский [то есть стоящий кверху, торчком – прим. И. М.]» был в разных вариантах весьма популярен в течение всего XVIII в., несмотря на то, что из цензурных

соображений некоторые элементы менялись. Так, было исключено не только указание дня кончины «кота» Алабрыса, но и вместо зимнего погребения появились варианты летнего и др. [Ровинский, 1900–1901, стб. 252–271].

О том, что именно кот казанский был самым известным представителем кошачьего семейства, уже имевшим служебные заслуги, свидетельствует и знаменитый указ Елизаветы Петровны. 2 ноября 1745 г. императрица велела «прислать в С.-Петербург ко двору», «сыскав в Казани здешних пород кладеных [то есть кастрированных – прим. И. М.] самых лучших и больших тридцать котов, удобных к ловлению мышей». Порядок набора на государеву службу только таких котов сохранялся и впоследствии, что разрушает миф о появлении особой дворцовой, позднее названной эрмитажной, породы котов. За благополучным переездом новых «работников» должен был следить специальный сопровождающий, «который бы мог за ними ходить и кормить». Их должны были обеспечить транспортом и питанием. Приказали дать «под них подводы и на них прогоны и на корм сколько надлежит». Все должно было осуществиться в самые короткие сроки – «немедленно». Губернатору же Казанской губернии А. Г. Загряжскому «велено» было публично объявить, «ежели кто имеет у себя таковых кладеных котов», сообщить в губернскую канцелярию в течение трех дней с момента опубликования известия о сборе котов «для скорейшего отправления» их на государеву службу. «За необъявление» грозил штраф «по указам». Вальдмейстеры и администрация Казанской губернии, а также городские власти Уржума, согласно указу, обязывались через публикацию известить население и способствовать «сыску таковых же котов в самом скором времени» и отправку их в губернскую канцелярию [Указ о высылке ко двору котов, 1745 (выписан из указа свияжской провинциальной канцелярии в царевкошкайскую воеводскую канцелярию, от 4-го ноября 1745-го года за № 4050; в Полное собрание законов Российской Империи указ не вошел)]. Так на самом высшем уровне именными указами императрицы был произведен первый «рекрутский» набор котов на государеву службу.

Проблема охраны дворцов от грызунов сохранила свою актуальность и позже. Указы 1750-х гг. уточняли место службы, численный состав, условия пребывания и содержания отдельных служивых кошачьих команд. В 1750 г. для переселения в новый Летний дворец Елизавета Пет-

ровна предписала «в Новом Зимнем дворце в камер-юнкерских и прочих покоях отобрать до тридцати кошек», а если не удастся набрать такое количество, «то хотя купить». На новом месте их следовало, «покармливая неделю, или более времени, для переводу мышей впускать» в царские покои. Для обеспечения плодотворной деятельности усатых служителей и «по лучшему усмотрению» «от придворной конторы» предполагалось «приставить особливых людей».

Через три года ряды котов, находившихся на государственной службе, пополнились. Они получили даже собственные «квартиры». 27 октября 1753 г. появился указ Дворцовой канцелярии набрать «кошек до трехсот» «для посажения в новосделанные при Головинском императорского величества доме зимние покои», там их прикармливать, а затем «распустить, чтоб оныя по прокормлении разбежаться не могли», «и то число кошек содержать всегда при дворе». Для «прикормки» же и «содержания» котов постановили «сделать от гоф-интендантской конторы по близости Головинского дворца особливый покой».

На следующий год были внесены изменения в рацион питания придворных котов. Находившиеся в царских апартаментах животные должны были вместо говядины и баранины получать дичь. Офицерам, служившим «на кормовом погребу», приказали отпускать «в каждой день рябчиков и тетеревей по одному» [Именные указы, 1880, с. 444].

Столь детальной регламентации кошачьей службы в позднейшем Российском законодательстве XVIII в. не встречается. Можно предположить, что должностные обязанности осуществлялись в прежнем объеме, вознаграждение за службу коты получали и в последующее время. Пристальное внимание императрицы к кошкам стимулировало и интерес подданных.

Если при Елизавете Петровне о служивых котках упоминалось как о некоем едином сообществе, то при Екатерине II оформилась своеобразная кошачья иерархия. Императрица любительницей кошек не была, но понимала необходимость и значение их службы для спокойной жизни дворца. Известно, что и Москва и Петербург периодически подвергались нашествиям грызунов, что не могло не беспокоить власти. При Екатерине, в так называемые «мышинные» годы, в столицы завозили дополнительные партии пушистых борцов с этой напастью.

Кроме того, ко второй половине XVIII в. уже была оценена красота и грациозность этих животных. В знатных домах кошки из подвалов и чердаков переместились в жилые помещения. Произошло разделение придворных котов на надворных и комнатных. Характер государственной службы этих двух категорий животных несколько разнился. И те и другие по-своему боролись с грызунами, но, как правило, уже на разных территориях. Произведенные императрицей в «охранителей картинных галерей» комнатные животные, помимо охраны культурных ценностей, служили еще и своеобразным украшением повседневной жизни дворца. Среди них преобладали специально отобранные, особенно красивые представители кошачьих. Считается, что еще с елизаветинских времен появилась порода кошек, которую впоследствии стали именовать «русская голубая». Однако породистых кошек, как таковых тогда еще не было, селекционная работа началась только в XIX в., хотя уже в XVIII в. привозились животные из Персии, ценились и российские сибирские коты.

Выводы

Можно говорить о том, что именно в XVIII в. окончательно оформилась и была документально зафиксирована кошачья служба на пользу государства. Важность этой службы была по достоинству оценена. Кошки проживали в домах знатных особ и простых людей, охраняли торговые предприятия и склады, государственные гражданские и военные учреждения, церковное и монастырское имущество, культурные ценности, служили и при царском дворе.

В отличие от собаки, которая изначально символизировала преданность, дружбу и подчинение и сопровождала главное придворное развлечение – охоту, кошка оставалась животным несколько загадочным и не слишком послушным. Охоту же любили все Романовы. Страстным охотником был царь Алексей Михайлович. Не чужда эта забава была и Петру I, который, однако, большую часть времени посвящал делам военным и государственным. Юный Петр II, напротив, увлекался охотой больше, чем государственными делами, что вполне устраивало его окружение. Страстной любительницей стрельбы слыла Анна Иоанновна, для которой даже устраивались специальные загоны животных, по которым императрица не чуралась стрелять из окошка. Она требовала от придворного дворянства обучать стрельбе даже дочерей [Ви-

гор (Рондо), 2016, с. 162, 212]. Псовой охоте отдавала дань и Елизавета Петровна.

Кошка же, гулявшая «сама по себе», олицетворяла хитрого, умного, состоявшегося, возможно знатного и богатого человека. Именно поэтому она, наряду с лисами и медведями, стала неперенным героем устной и письменной культуры. С XVII в., времени расцвета лубка, кошка, войдя в круг его постоянных персонажей, подчас выступала здесь в роли трикстера.

Петр I прагматично относился к кошкам, но понимал необходимость и не умалял значение кошачьей службы. В Москве и строившемся Петербурге мыши и крысы нападали не только на склады и амбары, но портили церковное и монастырское имущество, жилища и домашнюю утварь, деревянные детали оружия и кораблей, военную амуницию и пр.

При Елизавете Петровне, которая, как гласит легенда, страдала мышечфобией, вопрос оставался остро актуальным. Появилась серия специальных указов императрицы, посвященных кошачьей службе. Они закрепили «должностные обязанности» животных, определенных на государственную службу, установили вознаграждение за ее исполнение и порядок пополнения рядов кошачьей «гвардии».

Вплоть до конца XVIII в. грызуны были одной из главных угроз деревянной России. Периодические набеги мышей и крыс наносили значительный урон городам и поселениям. Бытовало даже выражение «мышинные годы» для обозначения времени особо интенсивных атак грызунов. Ряды «кошачьей стражи» для борьбы с этой напастью периодически пополнялись, причем распоряжения шли от верховной власти, что подчеркивало значение их государственной службы. При Екатерине II была выстроена своеобразная кошачья иерархия с определенным ареалом проживания и разграничением служебных функций. Комнатные животные, помимо традиционных обязанностей, охраняли произведения искусства, музыкальные инструменты и другие культурные ценности.

Образ кота, свободолюбивого и хитроумного существа, прочно вошел в русскую культуру. Ему удалось исполнить даже «роль» царя и удостоиться внимания цензуры, делавшей в XVIII в. первые шаги к своему институциональному оформлению. Именно в XVIII в. формируется и особая кошачья «должностная» обязанность – служить теплым и ласковым украшением повседневной жизни, урчать и мяукать на

радость человеку, периодически исполняя и повседневную работу.

Несмотря на современные методы дератизации, коты продолжают нести свою службу. Им редко приходится непосредственно заниматься охотой, но само присутствие мохнатых «сотрудников» заставляет грызунов обходить стороной их «рабочие» места. «Служилых» котов кормят, любят, берегут, устраивают в их честь праздники. Им посвящают стихи, песни, художественные произведения, телепередачи, интернет-сайты и пр. Особую касту составляют «работники» учреждений культуры. Так, например, «эрмики» приобрели международную известность и имеют спонсоров далеко за пределами России. Истоки человеческой привязанности к кошкам связаны, в первую очередь, с признанием эффективности их государственной службы и берут начало в веке XVIII. Тогда же коты получили и эстетическое признание, их полюбили за грациозность, ласку, мягкость и многие другие качества, которые человек увидел или приписал мохматым существам.

Библиографический список

- Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Дрезденского альбома, воспроизведенные с подлинника в натуральную величину с приложением карты пути цесарского посольства 1661–62 гг. Издание А. С. Суворина 1903 года.
- Анисимов Е. В. Россия без Петра. Санкт-Петербург : Лениздат, 1994. 496 с.
- Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. Москва : Мысль, 1986. 239 с.
- Бартон Д. Жизнь кошек. Москва : Кладезь, АСТ, Астрель, 2015. 605 с.
- Безвременье и временщики. Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов / сост. Е. В. Анисимов. Москва : Художественная литература, 1991. 129 с.
- Вигор (Рондо) Дж. Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны / пер. с англ. Е. П. Карновича; ред., примеч. С. Н. Шубинского; предисл., примеч. А. В. Сазанова. Москва : Гос. публ. ист. б-ка России, 2016. 286 с.
- Власть и реформы. От самодержавной к советской России. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1996. 802 с.
- Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.
- Именные указы императрицы Елизаветы Петровны от 12 марта 1750 г., 27 октября 1753 г., 16 октября 1754 г. // Исторический вестник. Т. 1. № 3. 1880. С. 444.
- Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Москва : Эксмо, 2009. 1024 с.
- Макаров М. О Московских Ведомостях, изданных в царствование Государя Императора Петра Великого // Вестник Европы. 1821. № 9. С. 53–54.
- Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. Москва : Текст, 1994. 300 с.
- Наумов В. П. Елизавета Петровна // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 51–72.
- Наумов В. П. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. Москва : Молодая гвардия, 2010. 443 с.
- Отчет Государственного Эрмитажа. 2014 / Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. 244 с.
- Ровинский Д. А. Материалы для русской иконографии. Т. III. Санкт-Петербург : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1884. 121 с.
- Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Т. 1 / собр. и описал Д. А. Ровинский; по смерт. труд печатан под наблюдением Н. П. Собко. Санкт-Петербург : Издание Р. Голике, 1900–1901. 370 стб.
- Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Т. XXVI. Москва : Типография императорской Академии наук, 1881. 795 с.
- Снегирёв И. М. Лубочные картинки русского народа в Московском мире. Москва : Университетская типография, 1861. 139 с.
- «О непродать листов разных изображений, служебников и канонов, изданных без дозволения Синода, и об отбирании оных в Церковный приказ» // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. VI. Указ № 3765 от 20 марта 1721 г. Санкт-Петербург : печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 373.
- Указ о высылке ко двору котов. 1745 г. / сообщ. А. Г. Пупарев // Русская старина. Т. III. Выпуски 1–6. Санкт-Петербург : Печатня В. И. Головина, Владимирская, д. № 15, 1871. С. 642–643.
- Parthey G. Wenzel Hollar: beschreibendes Verzeichniss seiner Kupferstiche. Berlin : Nicolai, 1853.
- Pennington R. A descriptive catalogue of the etched works of Wencelaus Hollar, 1607–1677. Cambridge : Cambridge University Press, 2002.

Reference list

- Al'bom Mejerberga. Vidy i bytovye kartiny Rossii XVII veka. Drezdenskogo al'boma, vosproizvedennnye s podlinnika v natural'nuju velichinu s prilozheniem karty puti cesarskago posol'stva 1661–62 gg. = Meyerberg's Album. Views and everyday pictures of the XVII century Russia. The Dresden album, reproduced from the original in full size, with the map of the route of the Cesar's embassy in 1661-62. Izdanie A. S. Suvorina 1903 goda.
- Anisimov E. V. Rossija bez Petra = Russia without Peter. Sankt-Peterburg : Lenizdat, 1994. 496 s.

Anisimov E. V. Rossiya v seredine XVIII veka. Bor'ba za nasledie Petra = Russia in mid-XVIII century. Fight for Peter's legacy. Moskva : Mysl', 1986. 239 s.

Barton D. Zhizn' koshek. = Cats' life. Moskva : Kladez', AST, Astrel', 2015. 605 s.

Bezvremen'e i vremenshhiki. Vospominaniya ob jepohi dvorcovyh perevorotov = Timelessness and the temporaries. Memories of the palace coup era / sost. E. V. Anisimov. Moskva : Hudozhestvennaya literatura, 1991. 129 s.

Vigor (Rondo) Dzh. Pis'ma ledi Rondo, zheny anglijskogo rezidenta pri russkom dvore v carstvovanie imperatricy Anny Ioannovny = Letters from Lady Rondeau, wife of the English resident at the Russian court during the reign of Empress Anna Ioannovna / per. s angl. E. P. Karnovicha; red., primech. S. N. Shubinskogo; predisl., primech. A. V. Sazanova. Moskva : Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2016. 286 s.

Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoj k sovetsoj Ros-sii = Power and reform. From autocratic to Soviet Russia. Sankt-Peterburg : Dmitrij Bulanin, 1996. 802 s.

Zhivov V. M. Jazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka = Language and culture in XVIII century Russia. Moskva : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. 591 s.

Imennye ukazy imperatricy Elisavety Petrovny ot 12 marta 1750 g., 27 oktjabrja 1753 g., 16 oktjabrja 1754 g. = Personal decrees of the Empress Elisaveta Petrovna on March 12, 1750, October 27, 1753, October 16, 1754. // Istoricheskij vestnik. T. 1. № 3. 1880. S. 444.

Kostomarov N. I. Russkaja istorija v zhizneopisanijah ee glavnejshih dejatelej = Russian history in the biographies of its most important figures. Moskva : Jeksmo, 2009. 1024 s.

Makarov M. O Moskovskih Vedomostjah, izdannyh v carstvovanie Gosudarya Imperatora Petra Velikogo = On the Moscow Gazette published during the reign of Emperor Peter the Great // Vestnik Evropy. 1821. № 9. S. 53–54.

Medushevskij A. N. Utverzhdenie absoljutizma v Ros-sii = Establishing absolutism in Russia. Moskva : Tekst, 1994. 300 s.

Naumov V. P. Elizaveta Petrovna = Elizaveta Petrovna // Voprosy istorii. 1993. № 5. S. 51–72.

Naumov V. P. Povsednevnyj zhizn' Petra Velikogo i ego spodvizhnikov. = Everyday life of Peter the Great and his allies. Moskva : Molodaja gvardija, 2010. 443 s.

Otchet Gosudarstvennogo Jermitazha. 2014 = The State Hermitage report. 2014 / Gosudarstvennyj Jermitazh. Sankt-Peterburg : Izd-vo Gos. Jermitazha, 2015. 244 s.

Rovinskij D. A. Materialy dlja russkoj ikonografii. T. III = Materials for Russian iconography. V.III. Sankt-Peterburg : Jekspedicija zagotovlenija gosudarstvennyh bumag, 1884. 121 s.

Rovinskij D. A. Russkie narodnye kartinki. T. 1 = Russian folk pictures. V.I / sobr. i opisal D. A. Rovinskij; po smert. trud pechatan pod nabljudeniem N. P. Sobko. Sankt-Peterburg : Izdanie R. Golike, 1900–1901. 370 stb.

Rovinskij D. A. Russkie narodnye kartinki. T. XXVI = Russian folk pictures. V.XXVI. Moskva : Tipografija imperatorskoj Akademii nauk, 1881. 795 s.

Snegir'ov I. M. Lubochnye kartinki russkogo naroda v Moskovskom mire = Popular pictures of the Russian people in the Moscow world. Moskva : Universitetskaja tipografija, 1861. 139 s.

«O neprodazhe listov raznyh izobrazhenij, sluzhebnikov i kanonov, izdannyh bez dozvoljenja Sinoda, i ob otbiranii onyh v Cerkovnyj prikaz» = «On the non-sale of sheets with various images, office books, and canons published without the permission of the Synod, and on their confiscation to the Clerical Order» // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaja Pavlovicha sostavlennoe. Sobranie pervoe. S 1649 po 12 dekabrja 1825 goda. T. VI. Ukaz № 3765 ot 20 marta 1721 g. Sankt-Peterburg : pechatano v Tipografii II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1830. S. 373.

Ukaz o vysylke ko dvoru kotov. 1745 g. = Decree on sending cats to court. 1745 g. / soobshh. A. G. Puparev // Russkaja starina. T. III. Vypuski 1–6. Sankt-Peterburg : Pechatnja V. I. Golovina, Vladimirskaia, d. № 15, 1871. S. 642–643.

Parthey G. Wenzel Hollar: beschreibendes Verzeichniss seiner Kupferstiche. Berlin : Nicolai, 1853.

Pennington R. A descriptive catalogue of the etched works of Wencelaus Hollar, 1607–1677. Cambridge : Cambridge University Press, 2002.

Статья поступила в редакцию 11.10.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted on 11.10.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.